

*Посвящается Ф. П. Фостеру:  
покойся с миром*



## Год «Радости»

Я сижу в кабинете, окруженный головами и телами. Моя поза сознательно копирует форму жесткого стула. Это холодная комната в администрации университета, с обитыми деревом стенами, картиной кисти Ремингтона и двойными стеклопакетами, отсекающими ноябрьское пекло, изолированная от административного шума приемной, где только что принимали дядю Чарльза, мистера Делинта и меня.

И вот я нахожусь здесь.

В пространстве над летними спортивными пиджаками и полувиндзорскими узлами вдоль полированного соснового конференц-стола, на котором играет паучий блик аризонского полдня, висят три лица. Это деканы: по приему студентов, спортивной и научной работе. Я не знаю, кому какое принадлежит.

Кажется, я выгляжу сдержанно, возможно, даже дружелюбно, хотя мне говорили, что не стоит отходить от вежливой сдержанности и изображать дружелюбие или улыбку.

Я пытаюсь скрестить ноги как можно аккуратнее, лодыжку на колено, руки держу на брюках. Пальцы сцепил в замок, для меня они похожи на зеркальную серию букв X. Остальные люди в комнате для беседований: декан литературной кафедры университета, тренер по теннису и проректор академии мистер О. Делинт. Ч. Т. рядом со мной, остальных — соответственно сидящего, стоящего и стоящего — я вижу лишь краем глаза. Тренер по теннису звенит мелочью в карманах. Кажется, в воздухе стоит еле заметный желудочно-кишечный запах. Рифленая подошва моей спонсорской найковской кроссовки параллельна трясущемуся лоферу сводного брата моей матери. Он здесь в качестве ректора академии, сидит на стуле вроде как справа от меня, тоже напротив деканов.

Декан слева — худощавый и желтолицый, его застывшая улыбка напоминает едва различимый оттиск в неподатливом материале, — относится к тому типу людей, который я особенно ценю в последнее время: он не требует никаких ответов, излагая мою историю вместо меня, для меня. Получив от похожего на лохматого льва среднего декана пачку распечаток, худощавый с улыбкой заводит разговор скорее со страницами, чем со мной.

— Тебя зовут Гарольд Инкаденца, восемнадцать лет, дата окончания среднего образовательного заведения на данный момент приблизительно через месяц, обучаешься в Энфилдской теннисной академии-интернате, Энфилд, штат Массачусетс, где и проживаешь, — его прямоугольные очки для чтения похожи на два теннисных корта, поваленных набок. — По словам тренера Уайта и декана [неразборчиво], ты — многообещающий теннисист-юниор с региональным, национальным и континентальным рейтингом, потенциальный член ОНАНСУА; тренер Уайт решил зачислить тебя в команду по результатам переписки с присутствующим здесь доктором Тэвисом, которая имела место быть... начиная с февраля этого года, — верхние страницы аккуратно перемещаются в конец пачки. — Ты находишься на проживании в Энфилдской теннисной академии с семи лет.

Я раздумываю, стоит ли рискнуть и почесать подбородок справа, где у меня жировик.

— Тренер Уайт сообщает нам, что, по его мнению, программа и достижения Энфилдской теннисной академии заслуживают всяческого уважения и что команда Университета Аризоны немало приобрела в прошлом благодаря зачислению некоторых бывших выпускников ЭТА, один из которых, мистер Обри Ф. Делинт, присутствует сегодня с тобой. Тренер Уайт и его команда убедили нас...

Речь желтого администратора бедна, зато, должен признать, предельно понятна. У Литературной кафедры явный перебор с бровями. Правый декан как-то странно разглядывает мое лицо.

Слово берет дядя Чарльз: он догадывается, что деканы предрасположены с осторожностью относиться к его утверждениям, так как, вполне возможно, он похож на слишком горячего сторонника ЭТА, но он может заверить присутствующих, что все вышеперечисленное правда и что сейчас в Энфилдской теннисной академии обучаются десять из тридцати топовых теннисистов-юниоров во всех возрастных категориях, и что я, обычно откликающийся на «Хэла», — «из самых сливок». Правый и средний деканы профессионально улыбаются; Делинт и тренер склоняют головы, левый декан откашливается:

— ...что уже на первом курсе ты сможешь помочь университетской теннисной команде добиться больших успехов. Мы очень рады,— он то ли говорит, то ли читает, убирая страницу в низ пачки,— что соревнование какой-то немалой важности подарило нам возможность пообщаться с тобой и обсудить твое заявление на возможное поступление, обучение и предоставление стипендии.

— Меня просили добавить, что Хэл был посеян под третьим номером в разряде одиночек не старше 18 лет на престижных Юго-Западных пригласительных играх «Вотабургер» в Рэндольфском теннисном центре,— говорит, предположительно, Спортивная часть. Он склонил голову, я вижу его конопатый скальп.

— В Рэндольф-Парке, рядом со знаменитым комплексом «Эль Кон Мариотт»,— вставляет Ч. Т.,— весь контингент академии в один голос говорит, что это площадка высшего уровня, и...

— Именно так, Чак. И что, по словам Чака, Хэл уже оправдал посев, он достиг полуфинала, одержав, по-видимому, впечатляющую победу сегодня утром, а завтра он снова играет в Центре с победителем сегодняшнего четвертьфинала, матч, если не ошибаюсь, назначен на 08:30...

— Они пытаются начать до того, как начнется здешняя адская жара. Ну хоть сухо будет.

— ...и, оказывается, уже прошел квалификацию для зимнего Континентального турнира в закрытых помещениях, в Эдмонтоне, как сообщает нам Кирк... — он задирает голову вверх и влево, чтобы взглянуть на тренера, чья белозубая улыбка буквально сияет на фоне солнечных ожогов на лице.— А это действительно весьма впечатляет,— декан улыбается, смотрит на меня.— Все ли правильно, Хэл?

Ч. Т. расслабленно скрестил руки; его трицепсы покрыты россыпью прохладных солнечных бликов.

— Все так. Билл.— он улыбается. Его усы всегда выглядят как-то криво.— И я вам даже больше скажу: Хэл очень взволнован, рад и взволнован, что его третий год подряд приглашают на Пригласительные, он рад вернуться в любимые места, рад встрече с вашими выпускниками и тренерским составом, а также тому, что уже оправдал столь высокий посев при довольно сильной конкуренции на этой неделе, что до сих пор остается в игре, и, как говорится, его песенка еще не спета, так сказать, но, разумеется, больше всего он рад шансу встретиться с вами, господа, и взглянуть на здешние условия. Все, что он здесь видел, по высшему разряду.

Повисла тишина. Делинт ерзает спиной по деревянной панели стены и меняет точку опоры. Мой дядя радужно улыбается, поправляет и так ровный ремешок часов. 62,5% лиц в комнате смотрят на меня с приятным ожиданием. Сердце стучит в груди, как ботинок в стиральной

машине. Я пытаюсь изобразить на лице то, что, как мне кажется, люди примут за улыбку. Поворачиваюсь туда-сюда, совсем чуть-чуть, как бы адресуя улыбку всем присутствующим.

И снова тишина. Брови желтого декана образуют параболу. Двое других смотрят на Литературную кафедру. Тренер сделал шаг к широкому окну, поглаживает короткостриженный затылок. Дядя Чарльз гладит руку чуть выше часов. По блеску соснового стола движутся острые кривые тени пальм, тени голов похожи на черные луны.

— Чак, с Хэлом все в порядке? — спрашивает Спортивная часть. — Кажется, он... ну, скривился. У него что-то болит? У тебя что-то болит, сынок?

— Хэл здоров как бык, — дядя улыбается и непринужденно отмахивается. — Просто у него, скажем так, наверно, лицевой тик, совсем небольшой, от адреналина, ведь он находится в вашем весьма впечатляющем кампусе, и оправдывает свой посев, и пока не отдал ни одного сета, и получил настоящее официальное предложение в письменном виде от тренера Уайта не только без регистрационного сбора, но и со стипендией на проживание, на бланке Пацифик-10, и готов, весьма вероятно, как он мне сообщил, прямо сегодня подписать национальный договор о намерении, — Ч. Т. смотрит на меня, взгляд у него пугающе добрый. Я поступаю благоразумно: расслабляю все мимические мышцы, стираю с лица всякое выражение. Осторожно вперяю взгляд в кекулеанский<sup>1</sup> узел галстука декана в центре.

Мой молчаливый ответ на ожидающее молчание каким-то образом влияет на атмосферу в комнате, пыль и катышки с пиджаков завихряются у кондиционера и дергано танцуют в косом луче света из окна, воздух над столом — как над стаканом только что налитой сельтерской. Тренер с легким акцентом — ни британским, ни австралийским, — говорит Ч. Т., что собеседование с абитуриентом, пусть это обычно и приятная формальность, окажет более яркое впечатление, если дать абитуриенту говорить самому за себя. Правый и средний деканы склонились друг к другу, что-то тихо обсуждают, их тела образовали нечто вроде вигвама из кожи и волос. Полагаю, скорее всего, теннисный тренер перепутал «оказать впечатление» с «создать впечатление», хотя тогда «оказать влияние», пусть и более неуклюжий оборот, с фонетической точки зрения здесь более уместен как ошибка. Декан с плоским желтым лицом подался вперед, оскалил зубы, кажется изображает тревогу. Он сводит ладони

---

<sup>1</sup> *Август Кекуле* (1829—1896) — немецкий ученый-биолог, открывший кольцевую структуру бензольного кольца. (Здесь и далее все постраничные ссылки принадлежат переводчику, все концевые ссылки — автору.)

над поверхностью конференц-стола. Его пальцы как будто спариваются, я же расцепляю свои серии из четырех «X» и крепко хватаюсь за края стула.

Нам нужно откровенно побеседовать о потенциальных проблемах, связанных с моим поступлением, им со мной, начинает говорить декан. Потом заводит речь об откровенности и ее значении.

— У моего отдела накопились некоторые вопросы касательно результатов твоих тестов, Хэл,— он смотрит на цветную таблицу стандартизированных оценок в траншее, образованной его руками.— Приемная комиссия ознакомилась с результатами тестов, которые,— уверен, ты сам знаешь и сможешь объяснить,— которые, скажем так... ниже среднего.

От меня ждут объяснений.

Очевидно, этот действительно весьма искренний желтый декан слева и есть глава приемной комиссии. И, несомненно, маленькая птичья фигурка справа, стало быть, Спортивная часть, потому что морщины на лице гривастого декана в центре сложились в нечто, отдаленно похожее на выражение обиды, которое словно говорит «Я-ем-какую-то-дрянь-и-чрезвычайно-рад-что-мне-есть-чем-ее-запить»,— профессиональное выражение сомнения у научных работников. Стало быть, Незатейливая Верность Стандартам сидит в середине. Мой дядя смотрит на Спортивную часть так, словно сбит с толку. Слегка ерзает на стуле.

Несоответствие между цветом рук и цветом лица у Приемной комиссии просто поражает.

— ...результат устных экзаменов немного ближе к нулю, чем мы привыкли видеть у абитуриентов, особенно по сравнению с академсправкой из образовательного учреждения, где занимают руководящие должности твоя мать и ее брат... — он читает прямо с листа в эллипсе рук,— ...судя по которой, за последний год результаты, да, немного снизились, но под «снизились» я подразумеваю то, что они стали выдающимися, тогда как последние три года были просто невероятными.

— Запредельными.

— В большинстве учебных заведений не ставят пятерок с несколькими плюсами,— говорит Литературная кафедра, выражение лица декана невозможно интерпретировать.

— Такое... как бы это сказать... несоответствие,— говорит Приемная комиссия, его лицо выражает откровенность и обеспокоенность,— должен признаться, служит своего рода тревожным сигналом потенциальной озабоченности при рассмотрении твоей кандидатуры на поступление.

— Тем самым мы просим тебя объяснить это несоответствие, если не сказать прямо — жульничество,— у Учебной части тонкий голосок, довольно абсурдный, учитывая огромный размер головы.

— Конечно же, под «невероятными» вы имели в виду очень-очень-очень впечатляющие, а не буквально «невероятные», конечно же,— говорит Ч. Т., кажется, не спуская глаз с тренера, который стоит возле окна и потирает шею под затылком. Пейзаж за огромным стеклом скудный — лишь слепящий свет и жаркое марево над растрескавшейся землей.

— Кроме того, ты предоставил нам не две, как положено, а целых девять вступительных работ, некоторые из них объемом с целую монографию, и все без исключения... — новый лист,— оценены разными рецензентами как «блистательные»...

Литкафедра:

— В своей оценке я намеренно использовал эпитеты «лапидарный» и «утонченный».

— ...но в таких областях и с такими темами,— уверен, ты их хорошо помнишь, Хэл: «Неоклассические допущения в современной прескриптивной грамматике», «Прикладное применение новых трансформаций Фурье в голографически-миметическом кинематографе», «Становление героического стазиса в эфирном интертейнменте»...

— «Грамматика Монтегю и семантика физической модальности»?

— «Человек, который начал подозревать, что он сделан из стекла»?

— «Третичный символизм в юстинианской эротике»?

Теперь широко обнажая дряблые десны:

— Достаточно сказать, что нас искренне и откровенно беспокоит, что обладатель таких плачевных результатов тестов — впрочем, наверняка объяснимых,— является единственным автором этих работ.

— Не уверен, понимает ли Хэл, на что вы намекаете,— говорит мой дядя. Декан посередине теревит лацканы пиджака, разглядывая удручающие данные на распечатках.

— Приемная комиссия хочет сказать, что строго с академической точки зрения тут видятся проблемы с поступлением, которые Хэлу следует помочь уладить. В первую очередь абитуриент для университета — это будущий студент. Мы не можем принять студента, если есть основания полагать, что у него котелок не варит и его успехи на поле не играют никакой роли.

— Декан Соьер, конечно, имеет в виду корт, Чак,— говорит Спортивная часть, вывернув голову так, чтобы одновременно обращаться еще и к Уайту, стоящему позади.— Не говоря уже о правилах ОНАНАСС<sup>1</sup>. Их следователи всегда ищут хотя бы малейший намек на мошенничество.

Университетский тренер по теннису смотрит на свои часы.

---

<sup>1</sup> Ассоциация студенческого спорта Организации Независимых Американских Наций.

— Если допустить, что эти оценки по госэкзаменам отражают истинные способности абитуриента, — тихим серьезным фальцетом говорит Научная часть, все еще глядя на документы так, словно перед ним тарелка с чем-то несъедобным, — я вам так скажу: на мой взгляд, это нечестно. Нечестно по отношению к другим претендентам. Нечестно по отношению к университетскому сообществу, — он смотрит на меня. — И особенно нечестно по отношению к самому Хэлу. Принять юношу только за его спортивные достижения — значит использовать его. Мы постоянно находимся под сотней проверок. Если мы примем тебя с твоими госами, сынок, нас могут обвинить в том, что мы тебя используем.

Дядя Чарльз просит тренера Уайта спросить Спортивную часть, стали бы они чинить препятствия, если бы я, скажем, был привлекательным для спонсоров гениальным футболистом. Я чувствую знакомую панику из-за того, что меня могут неправильно понять, в груди все грохочет. Я прикладываю все усилия для того, чтобы молча сидеть на стуле, без выражения, мои глаза — два огромных бледных нуля. Мне обещали помочь пройти через все это.

Но у дяди подавленный вид, словно его загнали в угол. Когда его загоняют в угол, в голосе Ч. Т. появляется странный тембр, как будто он кричит, уходя вдаль.

— Оценки Хэла в ЭТА — и здесь я должен подчеркнуть, что это академия, а не какие-нибудь лагерь или фабрика, именно академия, она аккредитована Содружеством Массачусетс и Североамериканской ассоциацией спортивных академий, сосредоточена на воспитании игроков и студентов, основана выдающимся интеллектуалом, чье имя, полагаю, вам не нужно напоминать, по строгой оксбриджской модели обучения Квадривиум-Тривиум, оснащена всем нужным оборудованием и укомплектована сертифицированным персоналом, — показывают, что котелок у моего племянника варит так, что переварит все, что надо переварить в Пасифик-10, и что...

Делинт подходит к тренеру по теннису, который качает головой.

— ...он сможет почувствовать во всем происходящем отчетливый привкус предвзятости к неприоритетным видам спорта, — говорит Ч. Т., закидывая сначала левую ногу на правую, потом правую на левую, пока я слушаю, невозможно и внимательно.

Теперь насыщенная тишина в комнате стала враждебной.

— Мне кажется, сейчас самое время дать слово абитуриенту самому говорить за себя, — очень тихо говорит Научная часть. — Это, кажется, невозможно, пока вы находитесь здесь, сэр.

Спортивная часть устало улыбается из-под ладони, которой массирует переносицу:



— Может, подождешь секунду за дверью, Чак?

— Тренер Уайт мог бы проводить мистера Тэвиса и его помощника в приемную, — говорит желтый декан, улыбаясь в мои рассеянные глаза.

— ...убедили, что все было улажено заранее, учитывая... — говорит Ч. Т., пока его и Делинта ведут к двери. Тренер по теннису потягивает гипертрофированную руку.

— Мы все здесь друзья и коллеги, — говорит Спортивная часть.

Это конец. Мне вдруг приходит в голову, что знак EXIT для человека, родным языком которого является латынь, выглядел бы как подсвеченная красным надпись «ОН УХОДИТ». Я бы подчинился позыву броситься и опередить их по дороге к двери, если бы был уверен, что именно это в итоге увидят присутствующие. Делинт что-то шепчет тренеру по теннису. Доносятся звуки клавиатур и телефонных консолей, когда дверь ненадолго открывается, потом плотно закрывается. Я наедине с руководящими лицами.

— ...не хотели никого оскорбить, — говорит Спортивная часть, на нем желто-коричневый летний пиджак и галстук в мелких завитушках, — речь идет не только о физических способностях, которые, поверь мне, мы уважаем и хотим видеть на своей стороне.

— ...не было вопросов, нам бы не хотелось так сильно поговорить непосредственно с тобой, понимаешь?

— ...что, как мы знаем благодаря предыдущим заявкам, прошедшим через офис тренера Уайта, школа Энфилда находится под управлением, пусть и весьма эффективным, близких родственников твоего старшего брата — до сих пор помню, как его обхаживал предшественник Уайта, Мори Кламкин, — поэтому объективированность твоих оценок в данном случае могут очень легко подвергнуть сомнению...

— Кто угодно — АПУСА<sup>1</sup>, зловредные программы Пацифик-10, ОНАНАСС...

Эти работы старые, да, но они мои; de moi. Но они старые, да, и не совсем соответствуют заданным темам вступительных сочинений в стиле «Самый ценный опыт в моей жизни». Сдай я работу прошлого года, вы бы решили, что это двухлетний ребенок просто долбил по клавишам клавиатуры, — даже вы, кто тут употребляет слово «объективированность». А в нашей новой, компактной компании, декан литературной кафедры начинает вести себя как альфа в стае, одновременно приобретая куда более женские повадки, чем казалось сперва: выставил бедро, руку положил на талию, при ходьбе поводит плечами, звенит мелочью в карманах, подтягивая штаны и садясь на стул, все еще теплый после Ч. Т.,

---

<sup>1</sup> Ассоциация профессоров университетов Северной Америки.

закидывает ногу на ногу и наклоняется так, что вторгается в мое личное пространство, и я вижу нервный тик бровей и сетку капилляров на устрицах под глазами, чувствую аромат кондиционера для белья и уже кислый запах мятной жвачки изо рта.

— ...умный, толковый, но очень стеснительный мальчик — мы знаем, что ты очень стеснительный, Кирк Уайт рассказал нам о том, что поведал ему твой атлетически сложенный, хотя и немного чопорный инструктор, — мягко говорит он, положив руку, как мне кажется, на бицепс моего пиджака (хотя этого не может быть), — ты просто должен собраться с силами и рассказать свою версию истории этим господам, которые отнюдь не замышляют ничего плохого, а просто делают свою работу и одновременно пытаются соблюсти интересы всех сторон.

Я представляю, как сидят Делинт и Уайт, уперев локти в колени, словно в позе дефекации — позе всех спортсменов в перерыве, Делинт пялится на свои огромные большие пальцы, пока Ч. Т. меряет приемную шагами, описывая узкий эллипс и разговаривая по мобильнику. К собеседованию меня готовили, как мафиозного дона к заседанию по закону RICO. Сдержанно, безэмоционально молчать. Словно игра от обороны, которой меня учил Штитт: «лучший защита: пусть все само отскакивает: ничего не делайт». Я бы рассказал вам все, что захотите, и даже больше, если бы то, что я говорю, было равно тому, что вы услышите.

Спортивная часть, высунув голову из-под крыла:

— ...чтобы это не выглядело так, словно мы приняли тебя только из-за спортивных успехов. Это может дорого нам обойтись, сынок.

— Билл имеет в виду то, как это будет выглядеть со стороны, а вовсе не реальное положение вещей, пролить свет на которое можешь только ты, — говорит Литературная кафедра.

— ...как будет выглядеть со стороны высокий спортивный рейтинг вместе с результатами тестов ниже нормы, заумными вступительными сочинениями и невероятными оценками, словно бы возникшими благодаря непотизму.

Желтый декан так сильно подался вперед, что на его галстук теперь точно останется горизонтальная вмятина от края стола; у него болезненное, доброе и серьезное «прямо-без-дураков» лицо:

— Послушайте-ка, мистер Инканденца, Хэл, пожалуйста, просто объясни мне, сынок, почему конкретно нас не обвинят в том, что мы тебя используем. Почему завтра никто не придет и не скажет: «О, послушайте-ка, Университет Аризоны, а вы же тут используете паренька только из-за его тела, паренька такого робкого и застенчивого, что он и слова сказать не может, качка с фальшивыми оценками и купленной вступительной работой».